

Пространство чтения

Школа читателей Гумилева: семь учеников (Приблудный, Кедрин, Мочалова, Пастернак, Мандельштам, Цветаева, Ахматова)

Роман Тименчик

Отделение русских и славянских исследований
Еврейский университет
(Израиль)
Department of Russian and Slavic Studies
The Hebrew University
E-mail: suzirom@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-8614-511X>

Аннотация. Развивая рабочую метафору литературоведа Бориса Томашевского о «школах читателей», историко-литературный эпюд высветляет выборочно семерых из читателей поэта Николая Гумилева.
Ключевые слова: Николай Гумилев, русская поэзия XX века, школы читателей.

The School of Reading Nikolai Gumilev: Seven Students
(I. Pribludnyi, D. Kedrin, O. Mochalova, B. Pasternak,
O. Mandelstam, M. Tsvetaeva, A. Akhmatova)

Abstract. Elaborating literary scholar Boris Tomashevsky's actionable metaphor "schools" of readers, this historical study picks up seven 'graduates' from the depth of poet Nikolai Gumilev's followers.
Keywords: Nikolai Gumilev, Russian poetry of the 20th century, schools of reading.

N. Gumiliovo skaitytojų mokykla: septyni mokiniai
(I. Pribludnyj, D. Kedrinas, O. Močalova, B. Pasternakas,
O. Mandelštamas, M. Cvetajeva, A. Achmatova)

Anotacija. Plėtojant literatūrologo Boriso Tomaševskio „skaitytojų mokyklų“ metaforą, šioje istorinėje ir literatūrinėje apybraižoje pasirinktinai aptariami septyni poeto Nikolajaus Gumiliovo skaitytojai.
Reikšminiai žodžiai: Nikolajus Gumiliovas, XX a. rusų poezija, skaitytojų mokyklos.

Received: 15/10/2022. **Accepted:** 17/10/2022

Copyright © 2022 Roman Timenčik. Published by Vilnius University Press

This is an Open Access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution License, which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original author and source are credited.

Сто лет назад Александр Иванович Белецкий выдвинул как неотложную задачу историко-литературной науки изучение читателя¹. Несмотря на увещания Белецкого, такая историко-литературная субдисциплина в родных ученому краях, перефразируя формулу Лескова, еще не проповедана. Единственным существенным исключением за протекшую сотню лет можно считать две монографии Александра Федуты о читателе пушкинской эпохи (Федута, Егоров 1999; Федута 2015)².

Тогда же, сто лет назад, было высказано положение Б. В. Томашевского о том, что эстетическая эволюция протекает как «борьба читательских группировок, своего рода школ среди читателей, отчасти отражающих в своем распадении на лагеря борьбу школ писателей, а подчас даже группирующихся и независимо от наличных на Парнасе партий» (Томашевский 1922, 211–212).

Школа читателей поэта есть не просто совокупность всех открывших его книги, т.е. тех, в чьи воображаемые библиотечные формуляры вписаны соответствующие экземпляры. К школярам этой школы относятся те, в жизни которых знакомство со стихами поэта внесло какие-то едва ли не судьбоносные изменения. Как вспоминал Игорь-Северянин в романе в строфах «Рояль Леандра» через пятнадцать лет после появления в журнале «Аполлон» цикла «Капитаны», «и вот к числу звучащих слов плюссируется: Г у м и л е в». Т.е. имя поэта для учащегося такой школы – преувеличенно звучащее, *плюсцированное*, эмфатизированное.

Среди читательских школ группировки читателей Анненского, Мандельштама (см. Тименчик 2020), Цветаевой, отчасти Пастернака, Ходасевича³, Кузмина выделяются тем, что их приверженность своему поэту противопоставлена различным формам общественного небрежения, равнодушия и неведения. Гумилев представляет из себя крайнюю форму отверженности, будучи почти абсолютным табу на протяжении почти 60 лет.

Поэтому можно было бы считать, что школа читателей его после пятницы, 15 апреля 1986 года⁴, сошла на нет (не считать же двух-трех десятков соискателей кандидатских степеней). Но история читателей столь же непредсказуема, как история писателей, и уже в 10-е годы текущего столетия покойный блогер А. Б. Носик сказал о самом знаменитом российском блогере, что тот учит свою аудиторию «не бояться и делать, что надо», и тут стало понятно, что школа подлинных читателей Гумилева жива⁵.

¹ «Доказывать сейчас, что история литературы не только история писателей, но и история читателей <...> значит ломиться в открытые двери» (Белецкий 1964, 26).

² См. также нашу публикацию “Early Twentieth-Century Schools of Reading Russian Poetry” в книге “Reading Russia. A history of Reading in Modern Russia” и другие материалы этого трехтомника, целиком посвященного обсуждаемой проблематике (Timenchik 2020).

³ Ср. в связи с ним о борьбе «школ читателей»: «В кликушестве моды его заслоняют все школы (кому лишь не лень): Маяковский, Казин, Герасимов, Гумилев, Городецкий, Ахматова, Сологуб, Брюсов – каждый имеет ценителей» (Белый 1922, 139).

⁴ О прорыве в цензурном запрете в этот день – о публикации в газете «Литературная Россия» см.: (Тименчик 2018, 469–470; 501).

⁵ См. также запись Н. Т. Ашимбаевой в социальной сети Фейсбук от 12 июля 2019 г.: «Вышла сейчас с собакой. Прошел дождь, во дворе тихо. Вижу двух молодых людей, идут по аллее. Девушка довольно громко

В употребляемом нами концепте школы важным является плотность читательской толщи, коллективная заражённость. Это объясняет историю распыления гумилевской символики в творениях сочинителей следующих поколений. Для демонстрации механизма закрепления литературных инвенций приведем один пример, иллюстрирующий этот механизм (в упрощающем, конечно, изложении).

В тоpos всемирного катаклизма в XX в. входит мотив кругосветного блуждания городского транспортного средства. Берем стихотворение «Штурм» („Der Sturm“) немецкого экспрессиониста Альфреда Лихтенштейна, погибшего 25-летним на фронте в 1914 г. Стихотворение написано под влиянием другого экспрессионистского стихотворения – «Конца света» („Weltende“) Якоба ван Ходдуса, перечисляющего то, что делает «ветер, ветер, на всем белом свете», и завершающегося стихом «Составы валятся с мостов» („Die Eisenbahnen fallen von den Brücken“). У Лихтенштейна среди прочих жертв вселенской бури «Свежесделанный автомобиль улетает на Итаку» – на прародину одиссей („Ein junges Auto flieht nach Ithaka“). Любопытно, что переводчик Савелий Тартаковер меняет в своем переводе авто на трамвай, – он был ростовчанином, а ростовский трамвай был одним из старейших в России.

«Заблудившийся трамвай» типологически принадлежит к этой всевропейской новоапокалиптической традиции.

В начале 1920-х гг. одним из рассадников культа Гумилева становится контингент Высшего литературно-художественного института (Брюсовского института). Р. Я. Райт-Ковалева рассказывала нам о чтении кем-то на тамошних вступительных экзаменах своего стихотворения памяти Гумилева (Тименчик 2018, 237). Ср. воспоминания вдовы поэта Ивана Приблудного, тоже студентки брюсовского института:

...проводя меня как-то домой после занятий, Иван повёл меня по Тверскому бульвару. Весь путь по бульвару он читал мне стихи Гумилева, в том числе «В том лесу белесоватые стволы...» и с тех пор этот бульвар для меня заколдованный лес... <...> ...когда мы с Иваном учились в Брюсовском институте наши студенты бредили стихами Гумилева. А затем провал. Два поколения – дети и внуки – понятия не имели о этом поэте. А я сейчас перечитываю, смакуя каждое стихотворение, вспоминая, что нравилось мне, что нравилось Ивану, что нравилось нам обоим. И ещё вспоминаю, как на невольничьем судне, под названием Дальстрой, меня везли на Колыму, и восемь суток штормовой качки, и как я читала моим подругам «Капитана» Гумилева. На полярных морях и на южных, По изгибам зелёных зыбей и т.д. (Милонова 2020, 12; 107).

Иван Приблудный, как и многие другие пролетарские и новокрестьянские поэты, жил под постоянным эмоциональным давлением стихов Гумилева, и неудивительно, что в 1929 г. у него складывается стихотворение «Трамвай №5» (с показательной аллюзией еще и на стихотворение «У цыган»):

Ветра быстрей, неизбежней могилы,

как будто что-то рассказывает. Поравнялась со мной, и слышу: “Сегодня, я вижу, особенно грустен твой взгляд и руки особенно тонки, колени обняв. Послушай: далеко, далеко, на озере Чад...”. Удалились... Я остановилась. Это было неожиданно и чудесно...».

*в кольца закован, огнями гоним,
плавай же, плавай, мой лебедь бескрылый,
лейся по выющимся рельсам своим.*

*Я удивляюсь, я просто не верю,
будто б какой-то мечтатель-Уэльс
этому неукротимому зверю
выдумал тесную клетку из рельс.*

*Сердце железное, лик деревянный;
вечером теплым, при теплой луне,
вот ты летишь, как зарница румяный,
страшный и дикий, как тигр в западне.*

Маршрут гумилевского трамвая транспонируется на московскую топографию:

*Бронзовый Пушкин, высокий и мудрый,
но равнодушный к волненью вокруг,
легкому ветру открыв свои кудри,
«Медного Всадника» шепчет невслух.*

*Скрежет колесный все чаще и чаще,
мимо уюта раскрытых окон,
мимо Петровки пустой и кричащей,
как сумасшедший стремится вагон <...>
(Приблудный 1931, 19–20).*

Другое выдающееся стихотворение позднего Гумилева преследовало молодых поэтов следующего десятилетия, как вспоминала Ахматова – «того десятилетия, когда гумилевская строфа *faisait fureur* среди тогдашней молодежи» (Ахматова 1989, 5)⁶.

Как на показательный пример укажем на стихотворение Дмитрия Кедрина «Мужик», настолько очевидно развивающее одноименное гумилевское, что нет необходимости выписывать в два столбика лексические и тематические переключки, при том, что заимствована не только тема, но и поэтика, которую применительно к Кедрину обозначил Эдуард Багрицкий: «точность образа, стройная метрическая система и ирония, которую поэт вводит в стихи не как основной тонус, а как некий штрих, подчеркивающий ход его мышления» (Кедрин 1974, 10):

*Птичье пугало, мокрое чучело
Сомьей тушей плывет в острова.
Ох, как вздула тебя, ох, как вспучила
Зимней ночью злодейка Нева.*

⁶ Ср. сигнал тревоги в те годы: «Надо предупредить ударника от декадентского молока <...>. Надо указать им, что кроме “блестящих”, “сладчайших” Анненкова <sic!>, Гумилева, Бальмонта в истории русской поэзии существовали поэты-общественники, весьма интересные и по форме, не говоря о Некрасове, – Трендов. Курочкин – это у нас в России – и, например, Фрейлиграт – в Германии, Потье – во Франции и т. д., и т. п.» (Уткин 1931). Ср. слова Ахматовой: «Громадное влияние Н.С. на поэтов двадцатых годов (особенно юга России), Суркова, Симонова и других – его “строфа”» (Будыко 1995, 366).

*В камнях вылуца, в полынях вымоча,
Стылый труп отрыгнула вода.
Осталась от Григорий Ефимыча
Много-много – одна борода.*

*Дух пошел, раки вклезились в бороду,
Примерзает калоша на льду.
Два жандарма провозят по городу
Сани с прахом твоим в поводу.*

*И бредет за санями вдовицею
Мать-царица и трое княжон...
Помнишь – баба твоя белолицая
Говорила: «Не лезь на рожон!»*

*Нет! Поперся под арки Расстрельины
С посошком за горючей мечтой!
Слушай, травленный, топленный, стреляный, –
Это кто ж тебя так? И за что?*

*.....
Блудни с харями ряженных святочных,
Икры ватные – вровень тебе ль?
Всей империи ты первый взяточник,
Первый пьяница, первый кобель...*

*Да они не за то тебя мучили:
Не впервой им терпеть хахаля.
Нет, – припахивая онучами,
Ты, мужжик, на них пер, как земля!*

*Их сиятельства мелкими сошками
Перед глыбиной этой земли
Семенили цыплячьими ножками
И колени марали в пыли...*

*Ты ж кручинился ноченькой тающей:
«Не в свою я округу забрел.
Гришка, Гришка, высоко летаешь ты,
Да куда-то ты сядешь, орел?»*

*Лучше б голоса бабьего, глупого,
Слушать, пьяным валясь на кровать,
Чем в дому купидона Юсупова
С пирожками траву жевать!*

*Лучше б травы косить! Лучше б в девичьей
Щупать баб да Петрушку валять,
Чем под нож дураков Пуришкевичей
Бычье горло, мыча, подставлять!*

*Не пройтись тебе с песней громкою
В заливные луга, где косьба!
Хоть и в княжских палатах, да фомкою
Укокошили божья раба...*

*Все пути твои, видно, к Неве вели.
Вот и грешное тело сожгли,
Вот и каторжный пепел развеяли
На восток и на запад земли...*

*...Неразгадана, нераспутана.
Незадачлива, нелегка
Злая доля – судьба Распутина,
Мужжика⁷.*

И тем более обращение к Гумилеву в эпоху крепнущего официального беспамятства о нем посещало поэтов рукописных, не печатавшихся, с «невзглядной судьбой», как у навсегда опаленной встречами с Гумилевым Ольги Мочаловой:

Э п и г р а ф.
*Твои канцоны – вольный дар морей.
В течениях ямбов пятистопных
Не шкуры нравятся зверей –
Пустыни есть великий опыт.
Сонет о розе говорит скорей
За побежденный нежной властью ропот.*

Поэту

*Суровый странник Гумилев,
Кого я на земле застигла,
Идя дорогою твоих стихов,
Нашла сапфир отличной силы.*

*Та достоверность языка,
Те солнечные дали зренья
Любились летним облакам,
Широколиственным растениям.*

*Из нежных выходила рук
Вещь, обновленная названьем,
Как вымытая поутру
Слепительной сверкала гранью!*

⁷ Опубликовано П. А. Тартаковским в ж-ле «Звезда Востока» (1966, №1, 212–213); в издание «Библиотеки поэта» (1974) не было включено. Вариант стихотворения с датой «1935» и титулом «Распутин» см.: (Кедрин 1989, 70–71). Отметим, что в комментариях С. Коваленко к стихотворению «Беседа» усмотрено: «**К охотнику приходили души убитых птиц**. Образ навеян русским переводом Н. Гумилева (1919) «Поэмы о старом моряке» (1798) английского поэта-романтика Самюэла Тейлора Колриджа» (Кедрин 1974, 533).

*Как дерзостно в конце строфы
Взрывались пламени атаки!
Свергала звезды с высоты
Отчаянная честь отваги!*

*Прислушаешься: между строк
Заложено титана горе –
Прекрасный мрамора кусок
Угрюмые скрывают горы.*

*Люблю тоскующее – ах! –
Которым распахнулись дали...
И день, и ночь в твоих устах –
Мгновенья вечности в кристалле.*

*Насмешки шемаханский шелк,
Еще одно из тех сокровищ,
Которое твой друг нашел
В приборах мерных алой крови...*

*Да, только очень сильный мог
Без мести принимать обиду,
Кого водил единорог
В потустороннюю долину!*

*Пускай твой образ не хранит
Людей предательская память,
Не лучше ль всех других защит
Платаны, сикоморы, пальмы?*

*Ты выше самого себя!
О, как мое моление слабо,
Невзглядная моя судьба
Перед немеркнуцею славой!*

(Мочалова 1936–1939)

Концепт школы предполагает эпизодический диалог с Гумилевым у русских поэтов прошлого века, начиная с главных из них, с тех, кого Ахматова назвала «нас четверо».

Пастернак. Он был знаком с Гумилевым в предреволюционном Петрограде, о чем без особенного пиетета рассказывал Н. Вильям-Вильмонт (Вильмонт 1989, 19–20). Гумилев же относился к нему с симпатией, и в воспоминаниях Ольги Мочаловой о подготовке вечерней встречи в Москве в июле 1921 г. он говорит: «Позовем Пастернака, он милый человек и талантливый поэт. А Сергей Бобров только настроение испортит» (Мочалова 2004, 39). Лев Горнунг, страстный поклонник Гумилева, заметил в 1924 г. о Пастернаке: «не помню по какому поводу, сообразовал упомянуть о Гумилеве, говоря, что у него “деланье осуществленья мастерства”. А так, в общем, вероятно, и знает-то его слишком мало» (Горнунг 2019, 92). В автобиографии

Пастернак написал: «Я долго недооценивал Цветаеву, как по-разному недооценил многих – Багрицкого, Хлебникова, Мандельштама, Гумилева» (Пастернак 1967, 232).

Но при всем этом Пастернак пишет, как представляется, с не до конца скрытым раздражением, ленинградскому инженеру Сергею Оболенскому, заступавшемуся за него перед «Литературной газетой» осенью 1954 г.:

Зачем хотите Вы приобщить меня благодати социалистического реализма?... В страшном привидевшемся сне, который я разделил с большинством России, всё – трагично... Наши воспоминания отягощены таким морем лжи и крови! Зачем в этом утверждаться, зачем этого хотеть еще и еще? Рискую потерять Вашу дружбу, хочу открыть Вам глаза на себя. Я совсем не то, что вы думаете. Я с Блоком, я с Гумилевым, я с будущим, я со всем миром. Я предпочитаю реализм настоящий реализму особенному... и так далее и так далее. Я не верю в хорошесть декларированную, оглашенную в печати, обнародованную с трибуны (Пастернак 2005, 59–60).

Это «я с Гумилевым» приходит, возможно, к нему во второй половине 40-х под влиянием группы читателей Гумилева, кажется, состоящей, из одного человека.

В недавно опубликованных мемуарах Анастасии Баранович-Поливановой рассказывается о знакомстве в 1947 г. с Ольгой Всеволодовной Ивинской, «с юности напичканной Гумилевым» (Ивинская 1992, 20):

В один из ее первых приходов мы вдруг заговорили о Гумилеве и начали, перебивая друг друга, читать его наизусть. Поэзию она знала и любила. В одну из следующих встреч Ольга Всеволодовна подарила мне толстую шитую машинописную подборку стихов Гумилева, которых в то время найти было почти невозможно (Баранович-Поливанова 2021, 44).

По-иному, но тоже с присутствием проводящей среды, строился посмертный диалог у Мандельштама. Как давно детально показал Омри Ронен, мандельштамовское стихотворение «Умывался ночью во дворе...», написанное в 1921 г. в Тифлисе, сплетено из мотивов, ассоциативно связанных с казнью Гумилева (Ronen 1977). Из этого стихотворения мотив звездной соли перешел в часто сопровождаемое эпитетом «загадочное» стихотворение «Кому зима арак и пунш голубоглазый...»:

*Пусть заговорщики торопятся по снегу
Отарою овец и хрупкий наст скрипит.
Кому зима – полынь и горький дым к ночлегу,
Кому – крутая соль торжественных обид.
О, если бы поднять фонарь на длинной палке,
С собакой впереди идти под солью звезд...*

Загадочность стихотворения сослужила ему плохую службу. В контексте харьковского журнала «Грядущий мир» за май 1922 г. эти торопящиеся по снегу заговорщики связались с напечатанной в том же номере статьей «Записки мертвых» Валентина Рожицына (знатока новой русской поэзии, обладателя сборников Гумилева, собеседника Мандельштама, о котором Н. Я. Мандельштам вспоминала как об «умном и странном человеке») [Мандельштам 2008, 137]). Марксист Рожицын упоминал там

Гумилева и «перед смертью в Чрезвычайной Комиссии, после раскрытого заговора написанную исповедь Гумилева». (Это ошибка: стихотворение «Память», сочиненное здесь за предсмертную исповедь, написано в 1919 г.). Разбор этого стихотворения завершался фразой: «Как бесчисленные другие мертвецы революции, Гумилев умер». Не явилось ли это подсказкой харьковскому партийному цензору? – стихотворение Мандельштама было изъято из тиража журнала (один из сигнальных экземпляров этого номера с невырезанной крамольной страницей хранится в Иерусалиме [см.: Тименчик 2021, 101–102]).

Гумилевские стихи были на слуху у Марины Цветаевой, один раз она по ошибке приписала их Блоку: «Как Блок сказал, обращаясь к женщине: О тебе! о тебе! о тебе! Ничего, ничего обо мне» (Цветаева 1994, 648). О том, как она встретила роковую весть, рассказал Эмилий Миндлин: «Когда, прочтя в газете, наклеенной на забор, о расстреле Н. С. Гумилева, “филолога”, я прибежал с этой вестью к Марине, она сначала молча поникла головой, стала курить папиросу за папиросой, а потом заговорила, но не о Гумилеве, а об Ахматовой. Ей за Ахматову было страшно» (Тименчик 2014, 466).

Потом были строки о «Мужике» Гумилева в ее «Истории одного посвящения», о которых Ахматова сказала: «То, что она пишет о Гумилеве <...>, самое прекрасное, что о нем, до сего дня (2 сент<ября> 1964 г.) написано. Хотя “Мужик” написан в 1917, после Революции. Как бы он был ей благодарен! Это про того *непрочитанного* Гумилева, о котором я не устаю говорить всем “с переменным успехом”» (Ахматова 1996, 486).

Есть рассказ Ирины Одоевцевой о прощальной встрече перед отбытием Цветаевой в СССР, когда она тронула Цветаеву рассказом о том, что Гумилев подарил ей, Одоевцевой, сборник Цветаевой «Вечерний альбом»: «Она слабо улыбается, и лицо ее молодеет. – Мне приятно, что Гумилев любил мои стихи» (Одоевцева 2009, 387)⁸.

Правда, по поводу описания этой встречи знакомый Цветаевой Александр Бахрах возразил:

Одоевцева, какие-то факты неумышленно перепутав, рассказывает о «предотъездной» встрече с Цветаевой... Но ведь известно, что Цветаева уезжала почти втихомолку, никому прощальных «визитов» не делая, да вообще какие-либо «визиты» были не в ее характере, особенно, когда она могла натолкнуться на скопище чуждых ей людей. ...Но уж такова Одоевцева – она искренно верит в то, что ей хочется, что по логике вещей, действительно, могло бы быть, и в этой черте, может быть, и таится доля ее литературного «шарма» (Бахрах 1983, 266).

Наконец, требующий едва ли не монографии долгий посмертный диалог с Гумилевым у Ахматовой, который, весьма вероятно, начался с четверостишия, исконный текст которого я восстанавливаю предположительно:

⁸ Ср. слова Гумилева (1916) в воспоминаниях Варвары Мониной: «Мар. Цветаева – интересна. С увлечением читал ее стихотворение > “Прохожий”» (Тименчик 2017, 564).

*И клялись они Серпом и Молотом
 Пред твоим страдальческим венцом⁹
 За предательство заплатим золотом
 А за песни платим мы свинцом¹⁰.*

По свидетельству Н. Г. Чулковой, обнаруженному покойным литературоведом Александром Богословским, «четверостишие сказано [Ахматовой], когда она утром вышла из своей комнаты, накануне узнав о расстреле Н. Гумилева» (Богословский 1990, 258)¹¹.

Таковы выдернутые из читательской толщи семь представителей школы читателей Гумилева. В полном портрете этой школы за ними должны следовать, как в стихах другого погибшего русского поэта Даниила Хармса, и четырежды четыре, и четыре на четыре, и не сорок, и не сотня, а почти что миллион!

Литература

- Ахматова, А. 1989. Автобиографическая проза. / Вступ. статья, подгот. текста, публ. и прим. Р. Тименчика. *Литературное обозрение* 5, 3–10.
- Ахматова, А. 1996. *Записные книжки*. Москва; Torino: Einaudi.
- Баранович-Поливанова, А. 2021. О Пастернаке. *Знамя* 2, 38–56.
- Бахрах, А. 1983. На берегах Сены-Леты. *Грани* 130, 259–268.
- Белецкий, А. 1964. Об одной из очередных задач историко-литературной науки. *Белецкий, А.И. Избранные труды по теории литературы*. Москва: Просвещение.
- Белый, А. 1922. Рембрандтова правда в поэзии наших дней (О поэзии В. Ходасевича). *Записки мечтателей* 5. Петроград: Алконост, 136–139.
- Богословский, А.Н. 1990. Заметка о четверостишии Анны Ахматовой. *Вестник русского христианского движения* 160 (3).
- Будыко, М.И. 1995. *Загадки истории: Сборник эссе*. Санкт-Петербург: Наука.
- Вильмонт, Н. 1989. *О Борисе Пастернаке: Воспоминания и мысли*. Москва: Советский писатель.
- Горнунг, Л.В. 2019. «Свидетель терпеливый...»: *дневники, мемуары* / Подгот. текста, предисл., коммент. Т.Ф. Нешумовой. Москва: Изд-во АСТ: Редакция Елены Шубиной.
- Ивинская, О.В. 1992. *Годы с Борисом Пастернаком: В плену времени*. Москва: Либрис.
- Кедрин, Д. 1974. *Избранные произведения* / Вступ. статья, подготовка текста и примеч. С.А. Коваленко; сост. Л. И. Кедрина. Ленинград: Советский писатель.
- Кедрин, Д. 1989. *И минуло время*. Москва: «Молодая гвардия».
- Лукницкий, П.Н. 1997. *Аcutiana. Встречи с Анной Ахматовой*. В 2 тт. Париж: YMCA-press; Москва: Русский путь. Т. 2. 1926–1927.
- Мандельштам, Н.Я. 2008. *Об Ахматовой*. Изд. 2-е, испр. Москва: Три квадрата.
- Милонова, Н. 2020. *Воспоминания. Письма* / Сост. А.П. Мальцев, А.А. Чернов. Луганск: ООО «Пресс-экспресс».

⁹ Ср. стихотворение Ахматовой «Видел я тот венец златокованный...», написанное к двенадцатилетней годовщине ее свадьбы с Гумилевым в 1922 г.

¹⁰ См. у Павла Лукницкого запись по памяти этого четверостишия:

«Клялись они и ... (смазаны чернила)
 .....вином <sic>

4) За (?) заплатим золотом,

А за (?) – свинцом» (Лукницкий 1997, 226).

¹¹ Ахматова предполагала (в случае ослабления цензуры) включить его поочередно в раздел «В 30-х годах», в «Венок мертвым» («И клялись... Царс<кое Село>») или в подборку непроходимых стихов («Из заветной тетради» (Ахматова 1996, 106; 159; 579).

- Мочалова, О. 1936–1939. Бедное богатство [Стихи 1936–1939: 55 л.]. РГАЛИ. Ф.273-1-5.ЛЛ.9-10.
- Мочалова, О. 2004. *Голоса Серебряного века. Поэт о поэтах* / Сост., предисл. и коммент. А.Л. Евстигнеевой. Москва: Молодая гвардия.
- Одоевцева, И. 2009. *На берегах Сены*. Москва: АСТ МОСКВА.
- Пастернак, Б. 1967. Люди и положения. Автобиографический очерк. *Новый мир* 1, 204–236.
- Пастернак, Б. 2005. Письмо С.А. Оболенскому 25 ноября 1954. *Пастернак, Б. Полное собр. сочинений*. В 11 тт. Москва: Слово/Slovo. Т. 10.
- Приблудный, Иван. 1931. *С добрым утром (Лирика – Сатира). 1923–1929*. Москва: Изд-во «Федерация».
- Тименчик, Р. 2014. *Последний поэт. Анна Ахматова в 60-е годы*. В 2 тт. Изд. 2-е, испр. и расширенное. Москва: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим. Т. 2.
- Тименчик, Р. 2017. *Подземные классики. Иннокентий Анненский, Николай Гумилев*. Москва: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим.
- Тименчик, Р. 2018. *История культа Гумилева*. Москва; Иерусалим: Мосты культуры.
- Тименчик, Р. 2020. Школа читателей Мандельштама: Читатели №№ 1, 2, 3. *Literatūra. Rusistica Vilnensis* 62 (2), 59–79.
- Тименчик, Р. 2021. Глазами литературоведа. *Иерусалимская городская русская библиотека: Страницы истории. Книга-альбом к 30-летию библиотеки*. В 2 тт. Иерусалим: «Филобиблон». Т. 1.
- Томашевский, Б. 1922. Пушкин – читатель французских поэтов. *Пушкинист, IV. Пушкинский сборник памяти проф. С.А. Венгерова*. Москва – Петроград: ГИЗ, 210–228.
- Уткин, И. 1931. Волнующие вопросы. *Литературная газета*, 15 июня.
- Федута, А.И., Егоров, И.В. 1999. *Читатель в творческом сознании А.С. Пушкина*. Минск: Лимариус.
- Федута, А.И. 2015. «Кто б ни был ты, о мой читатель...»: *Проблема читателя в литературе пушкинской эпохи*. Минск: Лимариус.
- Цветаева, М. 1994. *Собрание сочинений*. В 7 т. Москва: Эллис Лак. Т. 4.
- Ronen, O. 1977. A Beam Upon the Axe: Some Antecedents of Osip Mandel'stam's "Umyvalsja noch'ju na dvore...". *Slavica Hierosolymitana*, vol. I, pp. 158–176.
- Timenchik, R. 2020. Early Twentieth-Century Schools of Reading Russian Poetry. *Reading Russia. A history of Reading in Modern Russia*. Vol. 2. Ed. by D. Rebecchini and R. Vassena. Milano, pp. 241–257.

References

- Akhmatova, A. (1989). Avtobiograficheskaya proza. / Vstup. stat'ya, podgot. teksta, publ. i prim. R. Timenchika. [Autobiographical Prose. / Introduction, preparation of the text, publ. and notes by R. Timenchik]. *Literaturnoe obozrenie*. [Literary Review], 5, pp. 3–10.
- Akhmatova, A. (1996). *Zapisnye knizhki*. [Notebooks of Anna Akhmatova]. Moscow; Torino: Einaudi.
- Bakhrakh, A. (1983). Na beregakh Seny-Lety. [On the Bank of the Seine-Lethe]. *Grani*, 130, pp. 259–268.
- Baranovich-Polivanova, A. (2021). O Pasternake. [On Pasternak]. *Znamy*, 2, pp. 38–56.
- Beletskii, A. (1964). Ob odnoi iz ocherednykh zadach istoriko-literaturnoi nauki. [About one of the next tasks of historical and literary science], in Beletskii, A.I. *Izbrannye trudy po teorii literatury*. [Selected works on the theory of literature]. Moscow: Prosveshchenie Publ.
- Belyi, A. (1922). Rembrandtova pravda v poezii nashikh dnei (O poezii V. Khodasevicha). [Rembrandt's truth in the poetry of our days (About poems of V. Khodasevich)]. *Zapiski mechtatelei*, 5. Petrograd: Alkonost Publ., pp. 136–139.
- Bogoslovskii, A.N. (1990). Zametka o chetverostishii Anny Akhmatovoi. [A note on Anna Akhmatova's quatrain]. *Vestnik russkogo khristianskogo dvizheniya*. [The Journal of the Russian Christian Movement], 160 (3).
- Budyko M.I. (1995). *Zagadki istorii: Sbornik esse*. [The Riddles of History: Collection of Essays]. St. Petersburg: Nauka Publ.
- Feduta, A.I. and Egorov, I.V. (1999). *Chitatel' v tvorcheskoi soznanii A.S. Pushkina*. [The Reader in Creative Consciousness of A.S. Puchkin]. Minsk: Limarius Publ.
- Feduta, A.I. (2015). «Kto b ni byl ty, o moi chitatel'...»: *Problema chitatelya v literature pushkinskoi epokhi*. [“Who would neither were you, my dear reader...”: The Problem of the Reader in the literature of Pushkin's era]. Minsk: Limarius Publ.

- Gornung, L.V. (2019). «*Svidetel' terpelivyi...»: dnevnik, memuary / Podgot. teksta, predisl., komment. T.F. Neshumovoi. [“A Patient Witness...”: Diaries, Memoirs / Comp., preface and comm. by T.F. Neshumova]. Moscow: Publishing house AST: Ed. by Elena Shubina.*
- Ivinskaya, O.V. (1992). *Gody s Borisom Pasternakom: V plenu vremeni. [A Captive of Time: My Years with Boris Pasternak]. Moscow: Libris Publ.*
- Kedrin, D. (1974). *Izbrannye proizvedeniya / Vstup. stat'ya, podgotovka teksta i primech. S.A. Kovalenko; sost. L.I. Kedrina. [Selected works / Introd., preparation of the text and notes by S.A. Kovalenko; comp. by L.I. Kedrina]. Leningrad: Sovetskii pisatel' Publ.*
- Kedrin, D. (1989). *I minulo vremya. [And bygone time]. Moscow: “Molodaya gvardiya” Publ.*
- Luknitskii, P.N. (1997). *Acumiana. Vstrechi s Annoi Akhmatovoi. V 2 tt. [Acumiana. Meetings with Anna Akhmatova. In 2 vol.]. Vol. 2. 1926–1927. Paris: YMCA-press; Moscow: Russkii put' Publ.*
- Mandel'shtam, N.Ya. (2008). *Ob Akhmatovoi. [On Akhmatova]. 2nd ed., revised. Moscow: Tri kvadrata Publ.*
- Milonova, N. (2020). *Vospominaniya. Pis'ma / Sost. A.P. Mal'tsev, A.A. Chernov. [Memories. Letters / Comp. by A.P. Maltsev and A.A. Chernov]. Lugansk: OOO “Press-ekspres” Publ.*
- Mochalova, O. (1936–1939). *Bednoe bogatstvo [Stikhi 1936–1939: 55 l.]. [Poor wealth (Poems 1936–1939: 55 p.)]. Russian State Archives of Literature and Art (RGALI) F.273-1-5.LL.9-10.*
- Mochalova, O. (2004). *Golosa serebryanogo veka. Poet o poetakh. / Sost., predisl. i komment. A.L. Evstigneevoi. [Voices of the Silver age. A Poet about Poets. / Comp., preface and comm. by A.L. Evstigneeva]. Moscow: Molodaya gvardiya Publ.*
- Odoevtseva, I. (2009). *Na beregakh Seny. [On the banks of the Seine]. Moscow: ACT MOSKVA Publ.*
- Pasternak, B. (1967). *Lyudi i polozheniya. Avtobiograficheskii ocherk. [People and Situations. Autobiographical essay]. Novyi mir, 1, pp. 204–236.*
- Pasternak, B. (2005). *Pis'mo S.A. Obolenskomu 25 noyabrya 1954. [Letter to S.A. Obolensky 25 November 1954], in Pasternak, B. Polnoe sobr. sochinenii. V 11 tt. [Pasternak, B. Complete Works. In 11 vol.]. Vol. 10. Moscow: Slovo/Slovo Publ.*
- Pribludnyi, Ivan. (1931). *S dobrym utrom (Lirika – Satira). 1923–1929. [Good Morning (Lyric – Satire). 1923–1929]. Moscow: “Federatsiya” Publ.*
- Ronen, O. (1977). *A Beam Upon the Axe: Some Antecedents of Osip Mandel'stam's “Umyvalsja noch'ju na dvore...”. Slavica Hierosolymitana, vol. 1, pp. 158–176.*
- Timenchik, R. (2014). *Poslednii poet. Anna Akhmatova v 60-e gody. V 2 tt. Izd. 2-e, ispr. i rasshirenoe. [The Last Poet. Anna Akhmatova in the 1960s. In 2 vol. 2nd ed., revised and expanded]. Vol. 2. Moscow: Mosty kul'tury Publ.; Jerusalem: Gesharim Publ.*
- Timenchik, R. (2017). *Podzemnye klassiki. Innokentii Annenskii, Nikolai Gumilev. [Subterranean Classics: Innokenty Annensky. Nikolai Gumilev]. Moscow: Mosty kul'tury Publ., Jerusalem: Gesharim Publ.*
- Timenchik, R. (2018). *Istoriya kul'ta Gumileva. [The History of the Gumilev Cult]. Moscow; Jerusalem: Mosty kul'tury Publ.*
- Timenchik, R. (2020). *Shkola chitatelei Mandel'shtama: Chitateli №№ 1, 2, 3. [The School of Reading Osip Mandel'shtam: Readers No. 1, 2, 3]. Literatūra. Rusistica Vilnensis, 62 (2), pp. 59–79.*
- Timenchik, R. (2020). *Early Twentieth-Century Schools of Reading Russian Poetry, in Rebecchini, D. and Vassena, R. (ed.). Reading Russia. A history of Reading in Modern Russia. Vol. 2. Milano. pp. 241–257.*
- Timenchik, R. (2021). *Glazami literaturoveda. Ierusalimskaya gorodskaya russkaya biblioteka: Stranitsy istorii. Kniga-al'bom k 30-le'tiyu biblioteki. V 2 tt. T. I. [Through the eyes of a literary critic. Jerusalem's Russian Library: pages of history. Book-album to the 30th anniversary of the library. In 2 vol.]. Vol. 1. Jerusalem: “Filobiblon” Publ.*
- Tomashevskii, B. (1922). *Pushkin – chitalel' frantsuzskikh poetov. [Pushkin as a reader of French poets]. Pushkinist, IV. Pushkinskii sbornik pamyati prof. S.A. Vengerova. [Pushkinist, IV. Pushkin collection. To the memory of Professor S.A. Vengerov]. Moscow; Petrograd: GIZ Publ., pp. 210–228.*
- Tsvetaeva, M. (1994). *Sobranie sochinenii. V 7 tt. [Collected Works. In 7 vol.]. Vol. 4. Moscow: Ellis Lak Publ.*
- Utkin, I. (1931). *Volnuyushchie voprosy. [The Bothering Questions]. Literaturnaya gazeta, June 15.*
- Vil'mont, N. (1989). *O Borise Pasternake: Vospominaniya i mysli. [On Boris Pasternak: Memories and Thoughts]. Moscow: Sovetskii pisatel' Publ.*